

— Государственный дядя, вы же должны быть человеком разумным. Как вы не понимаете, какие дела стоит обсуждать, а какие — нет? Кого император любит — разве это мы с вами можем угадать?

Семья Шан, услышав это, снова дружно опустилась на колени, выкрикивая «Простите!». Лу Шэн, наблюдая за их спектаклем, наконец произнёс:

— Встаньте.

Похоже, эта семья Шан — настоящая безнадёжная грязь, которую и поднять невозможно. Что ж, это даже к лучшему: раз не способны на большие дела, значит, и проблем не создадут.

Если в будущем появятся другие наложницы, как бы ни были знатны их семьи, они всё равно окажутся ниже Шан Мяочань. Одна мысль о том, как те, кто кичится своим происхождением, будут подавлены теми, кого они презирают, вызывала у Лу Шэна чувство глубокого удовлетворения.

Вскоре после свадьбы Чжу Линсы снова перебрался жить во дворец Цяньцин, иногда даже не возвращаясь во внутренние покои, а оставаясь ночевать прямо в павильоне Вэньхуа. Он просто боялся встретить Шан Мяочань — в последнее время её взгляд стал слишком пылкими, что вызывало у него мурашки по коже.

Однажды после ужина Лу Шэн вдруг подошёл к императору с сияющими глазами и выражением лёгкого смущения на лице, запинаясь.

Это зрелище показалось Чжу Линсы необычайно свежим. Он-то думал, что на свете нет ничего, что могло бы заставить Лу-гунгуна покраснеть.

— Раньше, пока Ваше Величество не вступил в брак, я не смел об этом заикаться, — начал Лу Шэн, и его лицо снова озарилось улыбкой. По тону его голоса Чжу Линсы, кажется, догадался. Значит...

— Она из Управления императорской одежды. Если выпадет такая честь, я приведу её поклониться Вашему Величеству.

Оказалось, Лу Шэн пристроился в дворце, завёл себе пару.

Чжу Линсы и раньше слышал о таких своеобразных союзах. Он поспешил принять серьёзный вид и сказал с улыбкой:

— Вечно ты со своими хитрыми задумками. Быстро зови её сюда.

Та женщина была одета в платье служанки, в волосах — всего два бархатных цветка. Выглядела она скромно, но черты лица были удивительно правильными и прекрасными. Чжу Линсы невольно восхитился про себя: у Лу Шэна и впрямь отменный вкус и умение.

Император щедро одарил служанку по имени Шуцзюань множеством заколок, серёг и нефритовых украшений. Лу Шэн вместе с ней выразил благодарность, переполненный радостью. После их ухода Чжу Линсы подумал, что любовь Лу Шэна к жизни, его дух, не сломленный физическим несовершенством и не отказывающийся от стремления к прекрасному, действительно заслуживают того, чтобы поучиться у него.

Прошло ещё полмесяца, и вид у Лу Шэна стал каким-то озабоченным. Он целыми днями

крутился перед императором, и его беспокойство читалось как на ладони. Чжу Линсы внутренне удивлялся: хотя Лу Шэн и говорил, что не будет устраивать пышной церемонии, а ограничится одним столом с вином, после чего они и станут мужем и женой, сейчас как раз должна быть пора медового месяца. Что же его гложет?

На вопрос императора Лу Шэн ответил с убитым видом:

— Ваше Величество, да просто люди говорят гадости. Я привык, меня хоть гладь, хоть по шерсти, а вот моя жена слышать такого не может, каждый день дома слезами заливаается.

Видимо, нашлись недоброжелатели, нашептавшие что-то нехорошее. Лу Шэн — евнух, да ещё и помогает императору в делах, неминуемо навлекая на себя зависть.

Когда ругают обычного человека, сначала ищут, за что зацепиться. А у евнуха сама их суть уже является точкой прицела. Простолюдины тоже знают: никто из приличных семей в евнухи не пойдёт. Раньше Чжу Линсы думал так же, но потом понял — судьба человека часто от него не зависит.

Вот только насчёт того, как противостоять злым языкам, у него самого не было никакого опыта. Пришлось похлопать своего товарища с молодых ногтей по плечу:

— Ты мужчина, не будь таким обидчивым. Лучше подумай, как свою жену утешить — вот что важно.

На лице Лу Шэна вновь появилось смущённое выражение.

— Я недавно домик приобрёл.

Выслушав описание района и планировки, Чжу Линсы понял, что дом явно не из дешёвых.

— Денег хватило? Если нет, я могу добавить.

Лу Шэн замахал руками:

— Я все сбережения, на гроб копил, вложил, впритык хватило. Шуцзюань тоже рада. Теперь вот осмелюсь просить Ваше Величество написать пару иероглифов, чтобы вырезать их на табличке над воротами.

Чжу Линсы считал свой почерк уродливым и обычно не решался что-либо подписывать, но на эту просьбу Лу Шэна он с радостью согласился.

Когда табличка была готова, Лу Шэн пригласил императора взглянуть на его дом. Выезд Чжу Линсы — дело непростое: за полчаса до отъезда императорская гвардия перекрыла дороги. Всё прошло без заторов, и через время, за которое сгорают две палочки благовоний, они уже были у дома Лу Шэна.

Глядя на свои позолоченные иероглифы, сияющие на табличке, Чжу Линсы подумал, что выглядит это вполне солидно. От ворот внутрь тянулся комплекс из пяти смежных дворов: помещения для дел, приёма гостей, устройства представлений, женские покои, да ещё и задний сад с беседками и павильонами, полный очарования Цзяннани.

Шуцзюань держалась как полновластная хозяйка, принимая высокопоставленных особ из свиты. Император тихо спросил Лу Шэна:

— Точно не нужно, чтобы я тебя немного поддержал серебром?

Лу Шэн закачал головой, как детская погремушка.

Когда осенью одиннадцатого года Лунцзя Цао Фэн снова привёз товар... Когда уезжал Цао Цзюньши, он ещё не был чиновником, и траурные ограничения соблюдались не так строго. Теперь, выйдя из траура, он по-прежнему лично сопровождал триста пушек в столицу.

Самым счастливым был, естественно, Ли Сяньда, вторым — Чжу Синьюэ.

Только на этот раз, увидев Цао Фэна, она держалась с большой сдержанностью, в духе «чувства возникли, но ритуал их остановил». Встретившись у императора, они сначала обменялись поклонами, а потом так и остались стоять на месте: не приближаясь, не уходя и не говоря ни слова. Просто стояли и смотрели друг на друга.

Император, наблюдавший эту сцену со стороны, почувствовал, как у него занули зубы.

После ухода Чжу Синьюэ Чжу Линсы решил вновь приложить усилия ради своей старшей сестры-феи.

— Цао Фэн, ты женат?

Тот же вопрос, тот же ответ. Чжу Линсы, ободрённый, продолжил:

— Тебе уже двадцать два. Разве родные ничего не говорят?

Произнеся это, он с удивлением осознал, что его тон в точности повторяет тот, каким Пань Бинь когда-то торопил его с женитьбой.

Цао Фэн ответил с обидой:

— До этого я был в трауре по отцу.

Точно. Чжу Линсы только теперь понял, что его вопрос был крайне бестактным, и поспешил угостить Цао Фэна чаем и поданными ко двору дынями с фруктами. Спустя некоторое время он снова спросил:

— Как у вас с моей старшей сестрой, собственно, обстоят дела?

Услышав это, Цао Фэн от испуга выронил дыню из рук и снова повалился на колени. Сколько бы ни было в его сердце любви к Чжу Синьюэ, её не могло перевесить небесной пропасти, лежавшей между их статусами.

Увидев его на коленях, император не стал помогать ему подняться, а только тихо вздохнул и велел Лу Шэну передать тому ларец.

Цао Фэн с недоумением посмотрел:

— Это...

Император кивнул.

Тогда Цао Фэн протянул руку и осторожно ощупал ларец со всех сторон. Вскоре раздалось несколько щелчков, и из какого-то отделения ларца выпали несколько жемчужин, маленьких

золотых слитков и два куска нефрита.

Император на мгновение замер, а затем расплылся в улыбке.

Цао Фэн всё ещё ничего не понимал, но Лу Шэн, стоя рядом, с хихиканьем пояснил:

— Это Ваше Величество даровал вам брачную лотерею.

В день, когда Цао Фэн отправился в обратный путь, Чжу Синьюэ в своих покоях снова провела мобилизацию (читай: пригрозила) своим приближённым служанкам Цуйху и Цзыси, утвердила расписание и решила в полдень улизнуть из дворца, чтобы встретиться с Цао Фэном за воротами Гуанцюй.

Проще говоря, старшая принцесса задумала сбежать с Цао Фэном.

Она отправила ему письмо, и они обо всём договорились.

История со свадьбой императора дала Чжу Синьюэ понять, что люди из Министерства ритуалов лучше всех умеют создавать другим проблемы. Пань Бинь и компания смотрят на Цао Фэна свысока, да и она в них не нуждается.

Решено — уйти сегодня же. Тогда, среди высоких гор и далёкого императора, посмотрим, кто ещё посмеет указывать ей, как жить.

Одетая в платье простолюдинки, она сидела в повозке, проезжая по шумным и оживлённым улицам столицы. Её бледные пальцы всё сильнее сжимали шёлковый платок.

Цуйху и Цзыси переглянулись. Старшая принцесса целыми днями бодрилась, говорила, что не боится, но, как видно, тоже врала.

За воротами Гуанцюй народу заметно поубавилось. У простого чайного павильончика стояла повозка. С виду в ней не было ничего особенного, но Чжу Синьюэ знала: каркас и оси этой повозки были сделаны из лёгкой и прочной стали, что позволяло ей двигаться куда быстрее.

Охваченная волнением, она в один миг выпрыгнула из своей повозки. Цуйху и Цзыси не успели её удержать и тоже спрыгнули вслед.

Подбежав к дверце, Чжу Синьюэ вдруг остановилась, поправила волосы и затем громко крикнула:

— Цао...

Синяя занавеска откинулась, и чья-то рука уверенно поддержала её, втягивая внутрь.

Человек перед ней был невысоким и некрасивым. Через горы и реки их связала одна нить судьбы.

И отныне ей предстояло быть с ним долго-долго.

Повозка двинулась на юг. Цао Фэн взял деревянную пластинку, тщательно её обстругал, вырезал и долго собирал. Чжу Синьюэ уже устала ждать, когда в его руках вдруг появилась маленькая стрекоза.

Она потянулась было взять её, но он не отдал, а подбросил в воздух. Стрекоза, словно живая,

грациозно запорхала в воздухе, сделала три круга и наконец аккуратно приземлилась на её пышные, облакоподобные волосы.

К вечеру они добрались до почтовой станции. Чжу Синьюэ разместилась в лучшей комнате. Цуйху и Цзыси, не зная, как теперь обращаться к Цао Фэну, поклонились и последовали за ней внутрь. Но Чжу Синьюэ обернулась:

— А почему Цао Фэн не заходит?

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16200/1454213>